

ЗАЧИН

1

Не будет ли достойно и во благо нам, братья, начать, как и до нас было принято — старинными словами — трудные, горькие рассказы-песни о походе Игорево, Игоря Святославича, князя Новгород-Северского? Начать же тем песням по правде нашего времени, а не по замыслу Бояна. Ведь Боян вещий, желая правильно увидеть будущее, если кому хотел песнь сложить, то мыслью своей разбегаля по древу жизни до неба. Быстро и незаметно, неотступно, как серый волк, бежала мысль Бояна по земле и, казалось, взлетал его запев сизым орлом под облака, высокими помыслами вдохновлённый. Говорил тогда певец, что вспоминаются ему боевые дни времён изначальных, истоки славы нашей. И в тот миг выпускает, бывало, 10 соколов на злобную лебединую стаю, грозящую нам: который из них первым достигает цели, тому прежде всех и песнь в знак покорности стая поёт — старому ли Ярославу Мудрому, в походах и победах сделавшему Русь единой и могучей; родному ли брату Ярослава Мудрого, Мстиславу Храброму, зарезавшему в поединке Редеду, вожда кавказцев-касогов, перед самым военным походом тех на Русь; пригожему ли собой Роману Святославичу, внуку Ярослава Мудрого, погибшему в бою, но не сдавшему степнякам-половцам Тмутаракани, где он княжил. А ведь Боян, братья, не 10 соколов на стаю лебедей выпускал, но кончики пальцев рук своих к струнам гуслей легко и восторженно прикладывал. И, казалось, все они — и струны, и пальцы — сами, словно живые люди, — князьям заслуженную песню славы громко и торжественно пели. Воздавая должное нынешним князьям русским, не такова будет песнь наша...

2

Так начнём же, братья, рассказывать повесть эту, и поведём её от былого князя нашего Владимира Святославича «Красное Солнышко» до потомка его в пятом колене, нынешнего Игоря Святославича, который, как и далёкий предок его, силою своей возвысил ум свой как боевой стяг, и сердце закалил и заострил мужеством; и, наполнившись до предела ратным духом, задумал навести удары своих самых храбрых полков на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда, собрав лучших воинов своих, Игорь взглянул на светлое Солнце полуденное и увидел, как померкло оно в полном затмении, и все воины у князя оказались зловецим сумраком прикрыты. И обратился Игорь с речью к дружине своей: «Братья! И друзья мои! Лучше уж убитым быть, нежели быть пленённым врагами; так сядем же, братья, на своих резвых коней, да и посмотрим на синий Дон — оплот владений половецких. И сокрушим его». И сдался ум князя; уступил, словно похоти, страстному желанию воевать с половцами; и жалко ему показалось отказаться от похода задуманного, и эта жалость была сильнее небесного знамения — так хотелось почувствовать вкус победы, отведать Дона Великого, что через всю Половецкую землю течёт. «С вами, русичи, хочу ведь, — говорил князь, — копьё преломить на дальнем рубеже поля Половецкого, из конца в конец все владения половцев покоряя! Хочу или главу свою сложить, или вместе с вами зачерпнуть боевым шлемом воды из Дона и вдоволь напиться её в знак полной победы».

О Боян, соловьиная песнь, лучший певец старого времени! Вот бы ты сейчас полки русские песней призывной вдохновил, порхая, как соловей, по древу высоких мыслей, умом летая под облаками, переплетая в песне славу прежних времён с нынешней, устремляясь по пути, указанному нам богом Триглавом. Да так, чтобы песнь эта летела по раздолью через поля бескрайние и взбиралась на горы заоблачные. Так бы можно было спеть для Игоря, того Триглава внука: «То не буря русских соколов промчала через поля широкие — половцы, как стаи галок, полетели к Дону Великому». Или так бы тебе песнь повернуть было, вещей Боян, внук Велеса: «Кони заржут за рекой Сулой, рубежом половецким — а уже звенит русская слава в Киеве; трубы военные затрубят в Новгороде-Северском — а уже стоят стяги боевые в Путивле, у рубежа половецкого!» Ведь неизбежная победа князя Игоря над кочевниками для всей Руси благом будет.

Игорь ждёт милого брата Всеволода, друга своего, князя Курского и Трубчевского. И сказал ему Всеволод по прозвищу «Буй Тур»: «Один настоящий брат, один свет светлый в жизни — ты, Игорь! И оба мы одного рода — Святославичи! Святую славу русскую мы приумножать должны, а не смотреть, как наши земли кочевники разоряют! Так седлай, братец, своих резвых коней, а мои-то готовы уже, ещё в Курске осёдланы. А мои-то воины, кто из Курска, все опытни в деле ратном: рождены под звуки боевых труб, под боевыми шлемами воспитаны, с конца копьё вскормлены; все пути им ведомы, и овраги им знакомы. И колчаны, в которых каждый воин стрелы носит, у них открыты — изготовлены к бою; и сабли вовсю заточены. Сами же они, воины мои, без лишнего окрика скачут в поле не хуже кочевников-половцев — как серые волки, желая добыть себе честь и доблесть в бою, а князю — боевую славу».

ПОХОД

Тогда, после доводов Всеволода, и вступил Игорь-князь в золотое стремя, приняв командование объединённым войском, и выступил в поход — поехал по чистому полю. Солнце, покрывшись сумраком, путь князю преградило — дороги войску во тьме не видно стало. Ночь, казалось, застонала от грозы и разбудила стопами своими притихших было птиц; свист звериный раздался — будто бы это божество степняков — Див — забрался на самую макушку дерева и кричит оттуда, поднимает всех

врагов Руси по тревоге, велит им прислушаться — и дальним, не имеющим названия, землям; и Волге; и Приазовью; и землям половецким по пограничной с Русью реке Суле; и городам Сурожу и Корсуню в Крыму, торгующим русскими пленниками-рабами; и тебе, истукан Тмутараканский, кумир половцев! А половцы уже напролом, по бездорожью, через степи помчались к Дону Великому, силы собирая: скрипят в ночи их телеги, и можно сказать — то лебеди разъярённые кричат.

2

А Игорь к Дону воинов ведёт!

3

Уже грядущие беды Игоря, как пастух стадо, гоняют птиц — заставляют птичьи стаи перелетать по дубам, с дерева на дерево, не находя себе места и метаться вокруг и вдоль пути княжеского. Волки по оврагам воют — грозу чёрную, словно колдуны, навлекают на полки русские. Орлы криком своим призывают диких зверей на кости павших воинов, предчувствуя скорую гибель русского войска. Лисицы противно лают на русские кроваво-красные щиты.

4

О, Русская земля! Уже ты за холмом, холмом рубежным на границе русской!

5

Долго ночь не уходит, не спешит уступить своё место дню. Свет утренней зари затеплился, но мгла ещё плотнее поля покрыла. Песни соловьёв затихли; крики галок, словно половецкая речь, раздались вокруг. Русичи широкие поля своими кроваво-красными щитами, как стеной, перегородили, приставив их тесно друг к другу, в едином строю желая добыть себе честь и доблесть на поле брани, а князю — боевую славу.

6

Спозаранок пятью полками своими растоптали, рассеяли русичи полки подлых половцев и, рассыпаясь, словно стрелы по полю, схватили молодых красивых девушек половецких, а с ними и золото, и шелка, и бархат. Дорогими покрывалами, и плащами, и дублёнками забросали грязь — словно дорогу верную проложили или мосты надёжные навели по болотам и низинам. И всякие узорочья половецкие — туда же. Они ли добыча для русского воина? Все знаки власти: багряный стяг половецкий, белая кочевая хоругвь, красный ханский бунчук, серебряное степное древко — вот добыча! — храброму Святославичу!

Дремлют в поле, радуясь победе, братья Ольговичи. Словно птицы, далеко забралась-залетели! Не было это гнездо храбрых порождено для того, чтобы обиду терпеть от птиц хищных — ни от смелого сокола, ни от гордого кречета. И ни от тебя, чёрный ворон, подлый половецанин!

Но уже половецкий хан Гзак помчался, как серый волк, почуявший верную добычу, а старший хан Кончак прокладывает ему победный путь к Дону Великому.

7

На другой день раньше обычного кровавые зори перед рассветом встают, чёрные тучи с моря идут, словно хотят прикрыть четыре солнца — четверых князей наших, которые в походе на половцев. А в тучах гневно трепещут синие молнии. Грому греметь, идти дождю — словно стрелами бить — надвигаясь с Дона Великого! Тут и копьям преломиться, тут и саблям затупиться в бою о щлемы половецкие, на реке проклятой, на реке кровавой, на Каяле — у Дона Великого!

О, Русская земля! Уже ты за холмом, холмом рубежным на границе русской!

Вот уж ветры, Стрибожьи внуки, порывисто налетают с моря, как стрелы, на храбрые полки Игоря. Земля загудела, вода в реках помутнела, взбитая конницей пыль поля прикрывает, а стяги говорят: это половцы идут и от Дона, и от моря; и со всех сторон они русские полки окружили — обступили, как лес. Половцы, словно дети бесов, страшным криком своим степные просторы будто бы как стеной загородили, а храбрые русичи преградили им путь своими кроваво-красными щитами.

Яростный Всеволод, брат Игоря родной! Бьешься ты, как дикий бык лесной! Крепко в обороне стоишь, сыплешь на воинов вражеских стрелами, гремишь по их шлемам мечами стальными войска своего! Куда, как могучий бык лесной, бросишься, своим золотым шлемом посверкивая, там и лежат дурные головы половецкие. Тобюю, Всеволод, в ярости подобный дикому быку, твоей мощью разбиты саблями, в огне и холоде закалёнными, шлемы аварских умельцев! Какая рана тяжела, братья, если о добыче не думаешь, и жизнь не дорога, и не только доставшийся от отца золотой престол в Чернигове забыт, но и милой и желанной красавицы Глебовны, жены своей, привычки и повадки?

Были долгими века Триглава — славянского Бога нашего, минули годы Ярослава Мудрого; были военные походы Олеговы, Олега Святославича, прежнего князя Черниговского и Тмутараканского. Внук он Ярославу Мудрому и дед Игорю Новгород-Северскому. Тот ведь Олег мечом, как молотом, бил — всё измену ковал. И стрелами смуту по земле сеял, семенам коварства и злобы повсюду почву находя. Вступает, бывало, в золотое стремя в дальнем городе Тмутаракани, возглавляя войско, а звон его оружия и доспехов уже слышит великий Ярослав Мудрый в Киеве, а сын Всеволода, Владимир Мономах, в Чернигове уши затыкает и городские ворота накрепко запирает — так противен и страшен звон этот. Лишь Борис Вячеславич, двоюродный брат и Мономаха, и Олега Святославича, похвалился доблестью своей, что де не будет ему равных в битве с Олегом. Но сам едва ли не первым пал в бою, как будто осуждён был на смерть за похвальбу бесшабашную. Зелёная трава, словно саван, покрыла тело его, храброго и молодого князя, — как наказание за обиду, нанесённую Олегу. С той же битвы междоусобной, Каялы проклятой, Святополк, сын киевского князя Изяслава, повелел взять и отвезти со всеми подобающими князю почестями — между плавно идущими венгерскими конями-иноходцами — тело погибшего в бою отца своего прямо в Киев, к храму святой Софии — главному на Руси.

Тогда, при Олеге том, прозванном «Гориславичем», заседалась смутой и погибала в растущих междоусобицах жизнь Дажьдбожьего внука — народа русского. В княжьих изменах и междоусобных войнах век людской сократился, недолгим стал. Тогда по всей Русской земле редко слышать было, как пахари на лошадей в поле покрикивают, борозду за бороздой прокладывая, но часто слышно бывало, как вороны в русских полях каркают, трупы павших воинов между собой деля, а галки тогда по-своему кричат, хотят полететь на обильный пир — мертвечину клевать и вдоволь насытиться. Тогда и половцы, речью на галок похожие, летят, как птицы на падаль, богатую военную добычу на Руси захватить.

То было в тех боях и в те походы военные, а о таком бое, как нынешний, и не слышано! С утренней зари и до вечерней, от заката и до рассвета летят закалённые стрелы, гремят сабли по шлемам боевым, трещат копыта стальные в поле, не имеющем названия, где-то среди земли Половецкой. Чёрная земля, что под копытами коней, костями павших была засеяна и кровью бойцов полита: горе стало расти по всей Русской земле от жертв этих.

Что мне слышится — то ли шумит, то ли звенит — там, вдалеке, перед рассветными зорями? Слышно, как Игорь побежавшие с поля боя полки свои назад заворачивает: жаль ведь ему милого сердцу брата и друга Всеволода оставлять один на один с превосходящей силой вражьей. Бились русичи день, бились и другой, и лишь на третий к полудню пали стяги Игоревы — вконец разбито войско его. Тут два брата, взятые в плен разными ханами половецкими, разлучились на берегу быстрой Каялы — реки полного поражения войск русских. Тут кровавого вина мало оказалось; тут пир свой последний достойно закончили храбрые русичи: сватов половецких досыта угостили — напоили пролитой кровью, да и сами полегли за землю Русскую. Оттого, знать, и трава до самой земли поникла жалостно, а дерево в печали великой вершину склонило.

ПОРАЖЕНИЕ

1

Уже ведь, братья, невесёлая година настала, уже она силу пустыни на время погребла. Выросла обида в силах Дажьбожьего внука — народа русского; вступила легко, как девица, на землю Триглава, заплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона; так, не переставая плескаться, разогнала времена довольства и достатка русских людей. Погибло противоборство князей с подлыми врагами земли Русской. Сказали ведь князья, брат брату: «Это — моё, а то — моё же». И начали они, князья наши, про каждое малое дело молвить: «Это великое», а сами на себя измену и смуту, словно удары молота, направлять. А враги подлые со всех сторон нападали на землю Русскую и побеждали её.

2

О, далече русский сокол, птиц степных в полёте высоком сбивая, проник — к самому морю! Такому, которое людям смерть несёт... А Игорева храброго похода военного не возобновить, как не воскресить мёртвых! Кликнула вслед за ним Карна, божество славянское наше, о суровом наказании возвещая, и Жля, вечная спутница её в мире божеств наших, вся в слезах скорби и жалости, поскакала по земле Русской, горьким дымом из своего зажжённого погребального факела людей накрывая. Жёны русские расплакались с воплями, повторяя: «Уже нам своих милых возлюбленных ни в мыслях представить, ни в думах приблизить, ни очами своими, полными любви, их встретить и взглядом преданным проводить; а золота и серебра в руках поддержать и потратить ещё и меньше того возможностей стало».

3

А стонал ведь, братья, Киев в тяжком горе, а Чернигов — в напастях. Тоска разлилась тогда по Русской земле; печаль, тягучая и липкая как жир, текла средь земли Русской. А князья сами на себя измену и смуту, словно удары молота, направляли. А подлые враги земли Русской сами же, победами завершая набеги свои, в открытую брали дань с каждого русского двора, словно уж князьями стали. Полною мерой брали!

СВЯТОСЛАВ

1

Это ведь те два Святославича — Игорь и Всеволод — уже коварством и распрей ложь пробудили, какую ранее усыпил Святослав — грозный великий князь Киевский. И по праву: старшим поставлен Святослав, как отец, всем князьям русским. Пронёсся он грозой военною: заставил притихнуть ложь под ударами своих сильных полков и стальных мечей, пошёл в наступление на землю Половецкую, затоптал там войском своим холмы и овраги, замутил воду в реках и озёрах, иссушил ручьи и болота. А подлого хана Кобяка от излучины моря, от железных великих полков половецких, как вихрь вырвал: и пал Кобяк в самом граде Киеве, в просторной палате — гриднице Святославовой — там, где пиры победные гремят. Тут немцы и венецианцы, тут греки и чехи громко поют песню славы Святославу, а втихаря, украдкой, укоряют и проклинают князя Игоря, который всё лучшее умудрился погубить в толще грязи на дне Каялы — реки половецкой, русского золота туда насыпав. Ведь лучшие русские воины погибли там! Тут Игорь-князь вылетел из седла золотого княжеского, а угодил в седло раба, пленника позорного. Оттого уныние появилось среди людей на стенах городов русских, а веселье сникло.

2

А Святослав в Киеве на холмах-горах приднепровских мутный и тяжёлый сон видит. И затем так рассказывает о нём: «Этой ночью уже с вечера одевали меня — говорит, — в чёрный погребальный саван на кровати из тиса, у которого древесина ядовитая; черпали и подавали мне синее ядовитое вино, смешанное с трудами неблагодарными; насыпали мне полупустыми колчанами подлых толкователей-предсказателей крупный дорогой жемчуг на живот и грудь, и притворно нежили меня. Посмотрел я наверх и увидел, что доски на крыше в моём тереме златоверхом уже без конька, и через пролом в крыше видно чёрное небо, предвещающее смерть скорую. Всю ночь с самого вечера слышно было, как серые вороны раскаркались где-то недалеко у древнего кладбища — словно бы на городском валу собралось, разбуженное и рассерженное, всё ныне покойное потомство князя Кия, первого из первых князей русских. И понеслись они к синему морю — месту разгрома Игорева войска — отомстить за новую тяжкую обиду роду своему». И говорили бояре князю: «Уже, княже, великая печаль ум заполонила; это ведь два сокола — подначальных князя твоих — слетели с золотого престола князя, старшего над ними, решив установить власть свою в захваченном половцами у прежних князей русских городе Тмуторокани. А любо им, нынешним князьям, было испить шлемом воды из Дона в знак победы над половцами. Но уже соколам этим крыльшки подрезали сабли подлых врагов Руси, а самих их, соколов, птиц гордых и независимых, словно бы крепкими железными сетями позора опутали».

3

Темно ведь стало в третий день битвы: оба наших солнца — князья Игорь и Всеволод — померкли в славе своей; оба они, как багряные столпы правды нашей, погасли, и с ними молодые месяцы — юные князья Олег и Святослав, честно исполнявшие свой долг — заволоклись тьмою позора и в море бед погрузились, и тем великую смелость и буйство придали враждебным Руси народам Востока. На реке на Каяле тьма вражья свет жизни нашей закрыла — по Русской земле вихрем помчались половцы, на добычу набрасываясь, как стая гепардов, называемых на Руси пардусами. Уже и похвала, словно бы исподволь меняясь изнутри, стала позором; уже ударила нужда по вольностям нашим; уже свалился див — божество половецкое — на землю. И вот молодые красивые девушки из племени готов радостно распелись на берегу для

синего моря: звеня попявшим им в руки от половцев русским золотом воспевают, любуясь, время Буса — князя антов, предков наших — когда готы, победив в бою, распяли и князя этого, и сыновей его, и много других антов. Поют девушки готские и о том, как вынашивают мечь за половецкого хана Шарукана, делившегося с ними военной добычей, захваченной на Руси; Шарукана — деда нынешних половецких ханов Кончака и Гзака; Шарукана, войско которого было наголову разбито братьями и отцами нашими во главе с Владимиром Мономахом. А мы уже, дружина, тоже стали жадными до веселья — так хочется достойно ответить за всё!

4

Тогда великий Святослав торжественно проронил слово, веское, как золото, и со слезами горя смешанное, и говорит: «О, мои князья подначальные, Игорь и Всеволод! Как сыновья вы мне! Рано начали вы в Половецкой земле мечи вражеской кровью расцвечивать, а себе славы искать. Тайно от верховных князей русских в поход выступили. Знаю, сердца ваши храбрые в огне битв не хуже, чем жестокая булатная сталь, выкованы, а смелостью и решительностью — закалены. То ли сотворили моей серебряной седине? А уже не вижу власти сильного и богатого, и обладающего большим войском брата моего родного, Ярослава, князя Черниговского, с его черниговскими боярами и воеводами, с подвластными ему нерусскими степными народами — топчаками, татранами, шельбирами, ревугами и ольберами. Те ведь даже без щитов, с одними засапожными ножами в бой идут и, криком одним вражеские полки устранив, побеждают, славу прадедов звоном новой битвы умножая. Но сказано было вами: «Сами мужеством прославимся: предстоящую славу сами, без старика Святослава, похитим и присвоим, а славу прошлую также, в одиночку, сами и поделим!» А что, дивно разве, братья, старому помолодеть? Коль сокол перо меняет, взрослея, то далеко в высь птиц отгоняет: не даст гнезда своего в обиду. Не это зло — князья мне не в помощь: наизнанку сейчас прошлые года вывернули. Вот и у города Римова, что в Переяславском княжестве, на реке Суле, кричат от бессилия русские под саблями половецкими. А Владимир, князь Переяславля-Южного, от ран, нанесённых половцами, кричит и не может помочь братьям, идущим в бой. Горе великое и тоска глубокая настигли его, сына Глебова, удручённого беспомощностью своей!»

КНЯЗЬЯ

1

Великий князь Владимиро-Суздальский Всеволод! Нет мысли издале-ча примчаться-прилететь, отцов золотой престол в Киеве поберечь? Ты ведь можешь Волгу вёслами войска своего расплескать, а Дон — шлемами воинов своих вычерпать! А если бы ты был рядом, то была бы чёрная последняя рабыня по ногате — мелкой русской монете, а подлый раб — по резане, монете ещё более мелкой. Ты ведь можешь в сухопутном бою словно живыми копьями, начинёнными греческим огнём, стрелять — ударить на врага удалыми подначальными тебе рязанскими князьями, сынами Глебовыми, молниеносно победы добиваясь.

2

Ты, смелый Рюрик, князь Киевской земли! И Давыд, брат его родной, князь Смоленский! Не ваши ли воины в разбитых золочёных шлемах по крови плавали, в неравном бою с врагами сражаясь? Не ваша ли храбрая дружина рычит как дикие лесные быки, покрытая сабельными ранами на поле брани безвестном? Так вступите, господа, в стремя золо-

тое и, возглавляя войска, отомстите за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, смелого Святославича!

3

Ярослав, князь Галицкий, по прозвищу Осмомысл! Высоко сидишь на своём золотокованом престоле, укрепил горы Венгерские — Карпаты — своими железными полками, заступая путь королю венгерскому. Перекрыв венграм движение по Дунаю — словно бы ворота высокие накрепко перед ними закрыты. Тяжёлые удары войска своего через заоблачные горные перевалы направляя, справедливые закон и суд устанавливаешь по всем владениям своим, от вершин Карпат до самого Дуная. Войска твои, как гроза, по разным землям проходят, отворяют врата и в Киеве, и кажется, что это стрелы меткие по воле твоей отправлены в полёт с отчего золотого престола — и попадают они даже в султанов, могущественных властителей земель дальних. Стреляй же, господин, в Кончака, подлого раба, отомсти за землю Русскую, за раны Игоревы, смелого Святославича!

4

А ты, смелый Роман, князь Владимиро-Волынский! И Мстислав, князь Пересопницкий, брат его двоюродный! Храбрая мысль уносит ум ваш на подвиги ратные. Высоко парит она, в смелости своей к бою призывая, как сокол на струях ветра крылья широко расправляя, желая любую птицу на своём пути смелостью одолеть. Потому как у вас железные парни под шлемами стальными, привезёнными из стран, латынь принявших. И от молодецких ударов воинов этих словно треснула земля, и многие страны и народы — племена Востока, Литва, ятвяги, деремела и половцы — короткие копья в знак покорности в землю воткнули, а головы свои преклонили под ваши огнём и холодом закалённые мечи стальные.

5

Но уже перед князем Игорем померк солнца высокий свет, а дерево не случайно листву в конце весны сбросило: по реке Рось и по реке Суле, притокам Днепра, половцы города русские без боязни между собой, словно князья, поделили. А Игорева храброго военного похода не возобновить, как не воскресить мёртвых! Дон лукавый, а не совесть тебя, князь, кличет и зовёт других князей на победу. Потомки Олега Святославича, храбрые князья, умом не доглядели — и подоспели на поле брани, послушные страстному призыву князя Игоря...

6

Ингварь и Всеволод! И вы, три Мстиславича, — Роман, Святослав и Всеволод! Все вы — князья Волынские, двоюродные братья Игорю Новгород-Северскому и Всеволоду Курскому. Не захудалого вы рода, но высокого полёта соколы русские! Но не по обычаю нашему, не по выпавшему жребию побед боевых властью себя наделили, владения себе присвоили! Где же ваши золотые шлемы и короткие копья польские и польские щиты? Кому, как не вам, по происхождению наполовину полякам, сильная и гордая Польша помогает войсками? Прикройте же границу русскую от кочевников, стремительными потоками острых стрел своих закройте степнякам все пути для внезапных набегов военных; отомстите за землю Русскую, за раны Игоревы, смелого Святославича!

7

Уже ведь пограничная с половецкими землями река Сула не течёт к городу Переяславлю, сверкая, как серебром, чистыми струями своими. И река Двина, пограничная с Литвой, грязным болотом стала для отважных жителей Полоцка, словно бы испугавшись криков врагов наших. Один же только Изяслав, сын Василько Всеславича Полоцкого, позвонил

своими острыми мечами о шлемы боевые литовские, славу деду своему Всеславу прибавляя, а сам оказался на кровавой траве под багрянными щитами русскими, разбитым мечами литовскими, и перед смертью словно бы такую слышал речь любимца своего: «Дружину павшую твою, княже, крылья птиц, налетевших на трупы, как бы в лучшее приодели, а звери кровь её полизали. Всё для того, чтобы души павших легко на небо вознеслись, а плоть их, воинов русских, дала силу зверю и тем русским, которые добудут зверя дикого на охоте. Силу отомстить за поражение». Не было тут Брючислава, родного брата Изяславу, ни другого его брата родного — Всеволода, удельных князей Полоцкой земли. И так в одиночестве Изяслав изронил чистую, как жемчуг, душу свою через вышитый золотом и, оттого, похожий на ожерелье ворот русской княжеской рубахи — чтобы душа, незапятнанная кознями земными, быстро небесной высоты достигла. Оттого, скорбя о потере, приуныли голоса русские, поникло веселье наше, боевые трубы в городах наших заунывно трубят!

8

Все князья, Ярослава Мудрого внуки! И вы, князья, все внуки Всеслава Полоцкого! Уже склоните боевые стяги свои, вложите в ножны свои мечи, в междоусобицах затупленные. Уже ведь выскочили вы из ореола славы дедов ваших, погубив её. Вы ведь, погружаясь всё больше и больше в трясины измен и коварства, начали приводить подлых врагов и на землю Русскую, которой Ярослав Мудрый правил, и на наследство Всеслава — княжество Полоцкое. В междоусобицу князей русских превратилось ведь насилие от земли Половецкой!

ВСЕСЛАВ

1

На седьмом веку веры нашей в Триглава бросил Всеслав, князь Полоцкий, жребий. Загадал о том, будет ли он верховным князем для всей земли Русской. И так страстно возжелал этой власти, как мечтает юноша жениться на возлюбленной девушке своей, чтобы обладать ею, как муж. И возвысился он, опершись на коней крестьянских — силу народную, как возвышается крыша в крестьянском доме, опираясь на деревянные клюки-стропила. И во главе восставшего народа поскакал к городу Киеву, и древком копья достучался до золотого престола киевского — с боем захватил его и власть над Русью. Но недолго владел ими. Власть, как жена неверная, не по закону взятая, с лёгкостью к другому от него перешла. А Всеслав, как лютый зверь, почуял измену и выскочил в полночи из Белгорода — города князей и знати киевской — и направился в Новгород Великий, где сам народ правит, князя себе приглашая. Словно как бес прошёлся Всеслав по синей мгле ночной, и уже наутро, важный, отворил ворота Господину Великому Новгороду после трёх ударов войска своего, расшиб былую славу Ярослава Мудрого, который новгородцам вольности и независимость даровал. Огнём и мечом Всеслав разорил Великий Новгород, разграбил богатые соборы новгородские, а награбленное отправил к себе в Полоцк, возвысив его. Но и этого ему оказалось мало — словно волк помчался Всеслав к реке Немиге, скрытно войска свои приготавливая к битве.

2

На Немиге в полях не снопы полновесные стелют и вяжут — головы людские тут и там кучами валят; не зерно спелое выбивают на молотье из колосьев цепями — мечами стальными по людям молотят; на току не зерно лучшее нового урожая собирают, чтобы жизнь людская продолжалась — всё новых и новых людей лишают жизни, трупы нагромождают. И не зерно — основу жизни — на том току провеивают, взмахивая лопата-

ми, а взмахами мечей, убивая, отделяют душу человеческую от тела. У Немиги берега кровью залиты и не семенами добра засеяны — засеяны костями убитых сыновей земли Русской.

3

Всеслав-князь был хороший судья простолюдинам, а князей городами щедро наделял, но сам, словно волк, в ночи рыскал, бездомный и неприкаянный: из Киева до первых петухов был уже в далёкой Тмутарокани, великому Хорсу — богу рассветного Солнца — как волк, дорогу перебегая. Ему, Всеславу, позвонят, бывало, к ранней заутрене в колокола собора Святой Софии в Полоцке, а он уж в Киеве перезвон тот слышит. Хоть и вещая душа обитала в дерзком теле Всеслава, но часто всё же он от бед страдал. Ему Боян вещей, наш провидец, на первый случай такую припевку, смышлённый, сложил: «Можно быть и хитрым, и умелым — даже птицей по небу летать. Но тому, кто сделал злое дело — божьего суда не миновать».

4

О, стонать земле Русской, вспоминая лучшие годы и лучших князей! Того ведь прежнего князя Владимира нельзя было ничем к горам Киевским пригвоздить, но вместо его стягов боевых встали ныне стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, да врозь у них полотнища на порывистых ветрах нашего времени плещут. Уже и копыя врагов на ветру поют!

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

1

Кажется, даже на Дунае, на дальней границе русской, Ярославны голос среди птичьих голосов слышится. Словно неведомая птаха рано на рассвете вскрикивает, всплакивает она в первый день похода Игорева. «Полечу, — говорит, — пташкой неприметной по долинам речным, в Каяле-реке намочу белый рукав свой шелковый, узором золотым расшитый. И оботру князю — мужу моему — кровавые раны на его изувеченном теле, жестокие страдания облегчая».

2

В первый день битвы Игоря с половцами ранним утром Ярославна плачет в Путивле на городской стене, причитая: «О, ветер, ветрило вольный! К чему, господин, против своей воли веешь, насилию вражьему подчиняясь? К чему мчишь половецкие стрелы лёгкие на своих крыльях невидимых прямо на воинов возлюбленного мужа моего? Мало ли тебе было горе под самые облака отгонять-развеивать, заботливо покачивая корабли на синем море? К чему, господин, моё веселье по чужим ковьильным травам развеял-раскидал, чужакам под ноги бросил?»

3

Во второй день битвы Игоря с половцами ранним утром Ярославна на городской стене так плачет, что всему Путивляю слышно: «О Днепр Словутич! Ты пробил даже камень гор, путь себе прокладывая сквозь землю Половецкую. Ты заботливо покачивал на своих волнах ладьи князя Святослава, двоюродного брата моего мужа, в походе военном на половецкого хана Кобяка, победой русского оружия завершённом. Принеси же ко мне, господин, покачивая на волнах своих, мужа любимого моего, и не стану ранним утром, вся в слезах, рваться к нему на поле брани».

4

В третий день битвы Игоря с половцами ранним утром Ярославна плачет в Путивле на городской стене, причитая: «Светлое Солнце! Солнце зари утренней! Солнце полуденное! Солнце зари закатной! Всех ты

теплом своим и красотой согреваешь. Так почему, господин, простираешь нестерпимо жгучие лучи на воинов любимого моего? Почему в поле, где нет воды ни капли, жаждою жестоко их изнуряешь, так прогибая им луки, что стрелять из них невозможно? Почему колчаны с остатками стрел горем великим и тоской глубокой закрыть им пытаешься, не давая биться в полную силу?»

ПОБЕГ

1

Забурлило внезапно море к полуночи, смерчи чёрные, точно конница грозная, — по тучам, как по степи широкой, идут, неотвратно надвигаясь. Словно бы Бог Всемогущий, Всевидящий князю Игорю путь указывает из Половецкой земли на землю Русскую, к отчему золотому престолу.

2

Погасли вечерние зори. Игорь спать ложится, но заснуть не может и в мыслях поля измеряет от Великого Дона до Малого Донца — до ближней границы русской. В полночь половец Овлур свистнул за рекою, словно коней подзывая: так велит князю разуметь, что не быть князю Игорю пленным, если в живых остаться хочет — ведь обозлённые половцы из неудачного похода на Русь возвращаются, грозятся русских пленников убить. Будто бы закричала, застучала земля и зашумела трава от движения конницы половецкой, когда та кибитки-вежи перемещает. А Игорь-князь горностаем к тростнику речному помчался и, как утка — гоголь белый — быстро реку переплыл. Вскочил на приготовленного резвого коня, и поскакал на нём через степь к Донцу, а соскочил как серый волк, к поединку готовый. И так побежал к излучине Донца, от погони отбиваясь, что, казалось, сокол под облаками полетел, избивая гусей и лебедей к завтраку своему, и обеду, и ужину. А когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студёную росу с травы: не пожалели, загнали ведь они своих резвых коней ради большого дела.

3

Донец говорит: «Князь Игорь милый! Княже Игорю! Немало будет величия тебе за смелость твою, а Кончаку — ненависти за коварство и подлость его, а в Русской земле весельем радостным побег твой отзовётся».

Игорь говорит: «О, милый Донец! О, Донче, меньшой брат Дону Великому! Немало будет величия тебе, заботливо качавшему князя на волнах, расстилавшему ему траву зелёную на своих берегах серебряных, одевавшему его тёплыми облаками туманов под пологом древа зелёного, уткой-гоголем его на спокойных водах охраняя, чайками — на стремни-не, на перекате речном, а уткой-чернетью с высоты ветров парящих об опасности предупреждая».

«Не такая, как ты — говорит князь, — река Стугна: маловодная, словно пожрала она чужие ручьи, из степи притекающие. И, расширена к устью, ладьи лёгкие с юношей князем Ростиславом погубила в глубинах своих, точно навеки в темницу заключив».

На тёмном берегу Днепра плачет теперь мать Ростислава по юному сыну своему, князю Ростиславу. Уныли, поникли цветы, словно скорбь их пригнула. А дерево, как в горести великой, к земле вершиной склонилось.

4

А не сороки застрекотали — в погоне, по следу Игоря, едут половецкий хан Гзак со старшим ханом Кончаком. Топот их коней на стрекотанье сорок похож. Тогда и вороны не кричат, галки умолкают, сороки не трещат, только чуть слышно в тишине, как змеи-полозы в траве против-

но шуршат. Лишь дятлы перестуком своим путь к реке показывают, да соловьи весёлыми песнями рассвет предвещают.

5

Молвит Гзак Кончаку: «Если сокол русский в дом родной, ко гнезду своему летит, соколича — брата его, который в плену у нас — расстреляем своими золочёными стрелами. Пусть примет смерть как князю подобает».

Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол русский в дом родной, ко гнезду своему летит, то соколёнка — сына его — опутаем красной девицей. На половчанке женим, и будет у нас власть над русскими».

6

И говорит на это Гзак Кончаку: «Если его опутаем красной девицей, не будет у нас ни соколёнка, ни красной девицы, ни власти. И начнёт нас, бессильных, всякий бить в поле Половецком, на земле нашей. Любая птица залётная будет нас, птиц степных, избивать».

7

Верно говорили Боян и Ходына, песнотворцы-былинники при князе Святославе Ярославиче, любо которому было, чтобы времена отца его, Ярослава Мудрого, воспевались. Верно говорили они, Боян и Ходына, песенники и любимцы сына Святослава Ярославича, князя Олега Святославича Черниговского и Тмутараканского, которого в степях не меньше хана — каганом своим — кочевники считали. Верно они, Боян и Ходына, чистый голос души нашей, правдиво говорили: «Тяжко голове без плеч, зло телу без головы». Так ведь и Русской земле без Игоря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1

Солнце радостно светится на небесах — князь Игорь уже явился в Русской земле. Об этом девицы и на далёком Дунае поют. Отовсюду раздаются радостные голоса и, несмотря на беды, до Киева долетают. А вот и сам Игорь едет по Боричеву съезду к храму святой богородицы Пирогощей, чтобы ей, небесной покровительнице всех взятых в плен половцами христиан, хвалу воздать за побег удачный из степей половецких. Все концы земли Русской рады, а города веселы.

2

Пропев песнь торжественную старым князьям нашим, следует потом и молодым спеть:

3

«Слава Игорю Святославичу!

И Всеволоду Буй Туру, брату его, — слава!

И Владимиру Игоревичу, Игоря Святославича сыну — слава!

Святославу Ольговичу, племяннику Игоря Святославича — слава!

4

Сильны будьте князья и дружина их, сражаясь за христиан, удары коварные и подлые отражая!

5

Князьям слава и дружине! Да будет так! Аминь.